

С.Н.Селедкина

**Учебные заведения Москвы и Московской губернии в 1812 г.
(По документам Российского государственного исторического
архива)¹**

Война 1812 г. принесла много горя и страданий русскому народу. Со жженные города и села, пылающая Москва, взорванный Кремль. По мере движения армии Наполеона вглубь России вставал вопрос о сохранении национальных ценностей Русского государства. Куда направит противник несметные свои силы, никто в то время не знал и не предполагал. Вопрос о вывозе ценностей из Москвы и Петербурга стоял еще до Бородинского сражения. Из столицы Российской империи Санкт-Петербурга были выведены: Архив Коллегии иностранных дел, важные документы Министерства финансов и Императорского двора, Монетный двор и пр. Из Таможни были вывезены все товары, конфискованные в пользу казны. Чиновникам, которые сопровождали ценные документы и вещи, жалованье было выдано за два месяца вперед. Кроме того, они были снабжены экстраординарными суммами с ведома министра финансов. Также решался вопрос о вывозе культурных ценностей из древней столицы, в том числе и ценностей Императорского Московского университета.

В своем предписании от 18 августа 1812 г. попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов¹, обращаясь к Совету университета, писал:

“1. Учредить Особый комитет из 4-х профессоров во главе с ректором университета для определения ценности вещей, которые д.б. отправлены.

2. Составить ведомость отправляемых вещей за подписью ректора и профессоров.

3. По этой же ведомости определить число подвод.

4. Определить, сколько ящиков, циновок, парусины, веревок и пр. упаковочного материала потребуется.

¹ Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767-1829). С 1810 по 1817 год — попечитель Московского университета.

5. Все распоряжения по отправке ценностей сделать заранее”.

Из донесения П. И. Голенищева–Кутузова министру просвещения А. К. Разумовскому от 19 августа:

“Ежели опасность будет очевидна и близка, то в какое место отправить учеников и студентов казенного содержания, куда должны уехать профессора и прочие чины Университета и гимназий. Откуда бы дет поступать продовольствие на содержание всех вышеназванных лиц, и в ка кую губернию будут отправлены обозы с университетской собственностью...

По многим причинам удобным местом мог быть Ярославль — во-первых: дома ярославской гимназии и демидовского училища очень удобны.

Ярославль находится на двух реках — Волге и Которосле, что делает даль нейшее отправление университета очень удобным. От Ярославля — Кострома 60 км, Вологда 140. В случае необходимости Уни верситет можно перевести в Кострому или в Вологду”.

22 августа П. И. Голенищев–Кутузов доносил А. К. Разумовскому:

“Обслужи вающий персонал Университета, а также все драгоценные вещи приготовлены к отъезду из Москвы. Для этих нужд потребуются 130 лошадей”.

Из предписания Голенищева–Кутузова Университету от 24 августа:

“... В связи с тем, что по обстоятельствам военного времени, профессора настоятельно и убедительно просят о дозволении им отлучиться из Москвы, то всех желающих уволить в отпуск на 28 дней, но чтобы было указано место их точного пребывания”.

Из донесения 29 августа:

“Драгоценнейшие вещи, принадлежащие универ ситету, и сопровождающие их чиновники отправлены сегодня из Москвы во Владимир на 63 подводках”.

Из предписания Голенищева–Кутузова ректору Университета

И. А. Гейму¹ от 30 августа:

“Получено словесное приказание от главнокоман дующего в

¹ Иван Андреевич Гейм (1759–1821) — действ.ст.сов., профессор всемирной истории, статистики и гео графии Московского университета. Гейм четыре раза избирался ректором Университета. Лучшую часть своей библиотеки (более 2 тыс. томов) оставил Университету. Похоронен на иноверческом кладбище на Введенских юрах. На памятнике надпись на немецком языке: “Добропорядочному учителю. От бла годарных учеников”.

Москве Ф. В. Ростопчина о скорейшем отправлении студентов и учеников казенного содержания в Нижний Новгород. Все должно быть приготовлено немедленно, а также срочно потребовать у гражданского губернатора 30 лошадей и если хоть немного будет места, то взять оставшихся учеников благо родного пансиона. Путь должен лежать на Владимир, чтобы соединиться с отправленными ранее ценностями и ожидать дальнейших распоряжений. 17 сентября П. И. Голенищев–Кутузов доносил А. К. Разумовскому:

“...Сам я нахожусь в Костроме. Дом мой сожжен со всем в нем имуществом. В Ярославле царит тревога, да и в самой Костроме присутственные места закрыты и по всем разговорам видно, что казенные и частные лица готовы к отправлению в безопасные места. Тревога в здешних местах происходит более всего от того, что две дороги на Кострому и Ярославль от Москвы: одна из Владимира на Переяславль и Ростов, другая из Москвы на Троицу и Переяславль охраняются слабыми казачьими отрядами, что м.б. от неприятеля не безопасно. Ни в Переяславле, ни в Ростове, ни в Суздале, ни в Ярославле, ни в Костроме нет никакого войска и никаких орудий”.

Московский Университет из Москвы было решено отправить в Нижний Новгород.

Из записки главноуправляющего в С.Петербурге С. К. Вязмитинова:

“Нижегородский гражданский губернатор представил, что чрезвычайное скопление в Нижнем Новгороде жителей из губерний, занятых противником и особенно из Москвы, а также о переводе в Н. Новгород Департаментов Пр. Сената, губернских и городских присутственных мест, Горного правления, казначейств и др. учреждений с делами, денежною казною и чиновниками и о назначении туда же Московского университета с лицеем, отделениями Медико–Хирургической академии и прочие учебные заведения лишает город всякой возможности все это разместить. Поэтому губернатор просит перевести в другие губернские города Департаменты Пр. Сената, некоторые судебные органы и университет”.

Из донесения ректора Университета И. А. Гейма попечителю П. И. Голенищеву–Кутузову от 8 сентября из Владимира:

“С превеличайшим трудом добрели мы вчера в 7 часов утра до Владимира, где нахожусь я в самом бедственном положении, имея при

себе 39 учеников и студентов казенного содержания, которые хотя есть и которых надо обуть, снабдить шубенками. Обе щанных 30 лошадей нам не дали, а получили только 15-ть. Лошадей привели в 12-ть, о выехали мы только в 5-ть. Никаким провиантом в дорогу мы не запас лись. Лавки уже в субботу были закрыты, а в воскресенье и куска хлеба нельзя было найти. Мы едва сами смогли убраться, ибо в Москве уже начались беспорядки. Дорога была самая скучная и печальная и мы на своих клячонках могли ехать не более 30–35 км. в день. Есть нам было нечего, да и по прибытии во Владимир мы ничего утешительного не нашли. Жители г. Владимира или уже покинули город или собираются его покинуть. Со слезами прошу вас прислать мне указания, как выйти из этого бедственного положения, и в особенности, касательно содержания учеников и студентов, которые кроме сертучишков ничего не имеют для столь далекого и тяжелого пути. Впрочем, всех бедствий, какие мы претерпели, претерпеваем и вероятно еще будем претерпевать описать невозможно”.

Из рапорта директора училищ Ярославской губ. Осиповского от 13 сен тьября 1812 г. П. И. Голенищеву–Кутузову:

“Имею честь донести вашему превосходительству, что Демидовское учи лице и гимназия, собрав все ценные вещи, дела и казну отправились за Волгу в Романовскую Демидовскую вотчину, лежащую по северной стороне Вологод ской дороги, в 30–40 верстах от Волги. Принимаются все меры предосторожно сти, но все же нет в этих краях близкой опасности, поэтому нет причины далеко удаляться от Ярославля. Но если обстоятельства военного времени принудят искать убежища в Нижнем Новгороде или еще дальше, то из Романовской вотчины лучшая дорога”.

Из донесений П. И. Голенищева–Кутузова А. К. Разумовскому:

“С сердечным прискорбием должен я донести вашему сиятельству. Что древнее святилище муз, 58 лет существовавшее, ныне приведено в полное разорение. Здание Московского университета сожжено неприятелем, музей, библиотека и все, что оставалось в Москве, сделалось жертвою пламени. Я сам тоже попал в бедственное положение — дом мой со всем имуществом сожжен. Я со своим семейством остался только с необходимой одеждой”.

28 ноября Голенищев–Кутузов сообщает Разумовскому:

“Приехав в Москву 26 ноября и собрав все сведения об

Университете, доношу вашему сиятельству, что главный корпус Университета сгорел до основания. Кладовая, канцелярия, дела Училищного и Цензурного комитетов, магазины с типографскими книгами, матрицы, медные доски — все сделалось жертвою пламени. Медная монета стоимостью 5 тыс. рублей частью расплавилась, частью похищена. Сгорел также дом, где помещается анатомический кабинет и квартиры некоторых чиновников, деревянные флигели на Моховой, где жили чиновники, а также дровяной двор, сарай, конюшни. В целости осталось два корпуса — где жил ректор и где была больница.

Сгорело также здание, принадлежащее университетскому пансиону, а кладовые разграблены. В университетской типографии сгорел главный каменный корпус, прочие же строения, в которых помещались подъемная, словолитня, наборная, смывальня, корректурная, палата для раздачи газет, флигель, где жили типографские чиновники остались в целости. Поэтому типография работает. Литеров оказалось более 1100 пудов, бумаги тоже осталось много — 1540 стоп. Рабочие почти все собрались и работа идет успешно.

В Ботаническом университетском саду обгорели все каменные строения, а два деревянных флигеля — сушильня и теплица остались целы.

Два здания московской губернской гимназии сгорели, но учебные пособия почти все сохранились, т.к. частично были отправлены с университетскими ценностями, а частично заложены кирпичом. Учебные книги, присланные от Главного управления на продажу сохранились.

Из частных училищ уцелели только пять — Никитское у Никитских ворот, Вознесенское за Серпуховскими воротами, Бутырское, Вознесенское на Гороховом поле и Благовещенское на Тверской. Остальные 12 сгорели, из них во семь каменные.

В уездных городах Рузе и Можайске училищные деревянные дома сгорели, в Верее каменный новый дом сгорел, а в Волоколамске цел.

Считаю также обязанностью донести, что учителя московских народных училищ люди очень бедные и очень много пострадали, а потеряв последнее, живут в совершенной нищете. Некоторые из профессоров также всего лишились. Надеюсь, что сострадательное ваше сердце найдет средство облегчить их бедственное положение”.

Университетские ценности из Москвы были вывезены в Нижний Новгород. Приложен список ценностей за подписью П. И. Голенищева–Кутузова:

“Ящик с драгоценными камнями.

14 ящиков с кольцеобразными, ракообразными и звездообразными рако винами.

3 ящика с редкими книгами из демидовской библиотеки.

3 ящика с минералами.

3 — с бумагами общества испытателей природы.

1 ящик с золотыми и серебряными медалями и монетами.

3 — с библиотечными книгами: в т.ч. французская рукопись, на которой находится Королевский французский герб, две греческие рукописи.

1 ящик с церковною серебряною утварью

5 — с ботаническими собраниями

5 — с физическими инструментами 2 — с серебром и др. дорогими вещами благородного пансиона

1 — с серебром Академической гимназии

2 — с хирургическими инструментами.

Подписал П. И. Голенищев–Кутузов”.

Когда Москва была освобождена от неприятеля, встал вопрос об Университете. П.И. Голенищев–Кутузов в своем обращении к А. К. Разумовскому 5 ноября пишет, что “пока не будет полностью восстановлено здание Университета, желательно, чтобы он был переведен в Ярославль, поскольку это недалеко от Москвы; здание Демидовского училища и губернской гимназии очень вместительны и удобны для занятий. Кроме того, Демидовское училище имеет прекрасную библиотеку, музей, физический кабинет и пр. учебные пособия”.

Приложена также ведомость о чиновниках Университета с указанием места их нахождения во время пребывания в Москве неприятеля:

“В Нижнем Новгороде — ректор, И. А. Гейм, бессменный заседатель Чебо тарев; профессора — Страхов, Мудров, Черепанов, Рейнгард, Фишер, Гофман, Рейс, Гаврилов, Бренцов; адъюнкты — Дружинин, Данилевский, Перелогов, доктор Ромодановский, лектор Евенс; чиновники — кассир Лазарев, секретарь Тимонов.

В Костроме — адъюнкт Ризенко, доктор словесных наук Бекетов, газетирный помощник Ильинский.

В Казани — профессор Цветаев, аптекарь Гельм, адъюнкт Болдырев.

В Вологде — профессора Рихтер, Шлецер, Сандунов.

В Тамбове — профессора Каченовский, Кательницкий.

В Малороссии — профессора Рейн (в ополчении), Тимковский, доктора — Чумаков, Сидорацкий.

Во Владимире — экононом Гречищев, приказные служители Ливии, Поперяхин.

В Балахне профессор Прокопович–Антонский.

Неизвестно где — профессора Снегирев, Суворов, Гильдебрант, адъюнкты — Смирнов, Тростин, Таубер, Щеголев, Победоносцев, Мягков, Ульрихс, ди ректор типографии Невзоров.

В Москве экзекутор Артемьев и его помощник Янковский.

Поступили на службу к французам — профессор Штельцер (для уголовно го судопроизводства), лектор Виллерс (полицмейстером), титулярный советник Суцов (в городском правлении).

Итого: в разных городах — 37, неизвестно где — 11, на службе у французов — 3 .

Подписал П. И. Голенищев–Кутузов”.

30 декабря 1812 г. под председательством Голенищева–Кутузова была учреждена временная комиссия по управлению Университетом на то время, пока он не будет полностью восстановлен.

Комиссия состояла из ректора и четырех профессоров и собиралась два раза в неделю.

Из доклада министра народного просвещения А. К. Разумовского Александру I:

“Большая часть зданий Университета сгорела и восстановление их должно производиться на значительную сумму. Строения требуют как проектированных планов так и бдительного за ним надзора. Для этого должен быть назначен знающий архитектор”.

По представлению попечителя Московского учебного округа П.И. Голенищева–Кутузова министру народного просвещения — архитектором по восстановлению Университета был назначен Николай Соболевский.

Примечания

¹ РГИА. Ф.733, оп.28, дд.169,193,212,168.